

Германское перевооружение и европейское перевооружение

(начало на 1 стр.)

Фолькер Штанцель был послом в Китае и Японии с 2004-го по 2013 год и вице-президентом DGAP, Немецкого общества внешней политики. Его книга *“Die ratlose Aussenpolitik”* (“Дезориентированная внешняя политика”) была опубликована в 2019 году, до нападения России на Украину. Однако текст представляет интерес, поскольку в нём документально подтверждается доминирующая сейчас на высшем уровне в Германии оценка послевоенной внешней политики Бонна, а затем Берлина, как недостаточной и основанной на экономизме, оказавшемся сейчас в кризисе. Штанцель добавляет, что именно успех воссоединения, казалось, подтверждал эффективность выбранного курса, однако этот стратегический рубеж должен бы был, напротив, подтолкнуть к его пересмотру.

Субъективистский тезис о коллективных ошибках и промахах уже стал официальным штампом в Германии и в международной прессе, но он не может удовлетворить материалистический анализ. Следует признать, что кризис, а затем распад СССР оказали эффект мировой войны, проигранной Москвой, в результате чего стратегическая угроза со стороны России исчезла. Берлин действительно считал, что его экономистская доктрина *Wechsel durch Handel* (изменения через торговлю) подтвердилась с избытком. Однако стратегическое условие воссоединения Германии заключалось в сохранении и укреплении обязательств по отношению к НАТО и гарантий с его стороны. С экономической точки зрения, уверенность Берлина основывалась на объективных фактах: на Востоке открывались рынки для сбыта машин и капитала, многократно возрастал потенциал *Ostpolitik*, основанной на обмене российского газа на немецкие инвестиции, открывались новые пространства в Азии, что подтверждалось либеристским циклом в Китае. В конце концов, и Дэн Сяопин в Пекине пришёл к выводу, что российская катастрофа позволяет ускорить политику *реформ и открытости* по отношению к глобализации.

Сейчас в связи с войной на Украине Германия и Европа упрекают себя в “тройной” зависимости – от Соединённых Штатов в плане безопасности, от российских трубопроводов в плане энергоносителей и от Китая и азиатских рынков в плане экспорта, – но именно эта зависимость служила основой тридцатилетнего цикла, в котором ЕС присоединил Восточную Европу, а Германия умножила свой торговый профицит и экспорт капитала, лавируя между пересекающимися союзами и полусоюзами с Вашингтоном, Парижем, Москвой и Пекином. Это подтвердило и укрепило определённые линии и идеологии, которые в марксистской терминологии можно назвать *действительным ложным сознанием*: они возникли после поражения в империалистической второй мировой войне и за последующие десятилетия стратегической слабости. Среди них политическое использование экономической силы – концепция *Wechsel durch Handel*; миф о *патриотизме марки* в годы послевоенного *экономического чуда*, *Ordnungspolitik* – политика строгого соблюдения бюджетной дисциплины.

Это помогает объяснить две загадки сегодняшней берлинской политики, но не может их разрешить. Первый вопрос – почему правительства Гельмута Коля и Герхарда Шрёдера, а в особенности долгое правление Ангелы Меркель, допустили своего рода одностороннее разоружение бундесвера, который ещё при Гельмуте Шмидте – в роли министра обороны и канцлера – стал крупнейшей конвенциональной силой Атлантического альянса в Европе. Достаточно привести в пример количество танков: 4 тысячи в 1980-х годах и чуть более 300 сегодня, – чтобы представить реальное истощение военного аппарата, на восстановление которого потребуется от пяти до десяти лет. Конечно, можно вспомнить диалектический материализм Фридриха Энгельса, который заметил, как *идеологии, возникающие из действительного движения*, могут в свою очередь стать *действительными силами*: либеральный *экономизм*, возникший в послевоенном цикле и подтверждённый после воссоединения Германии, окончания ялтинского раздела и нового импульса глобализации, в конечном итоге подавил и задушил реалистические размышления о балансе сил.

Но и в этом случае не избежать констатации и загадки *стратегической недалёковидности*, проявившейся преимущественно в годы канцлерства Ангелы Меркель. Среди российских аналитиков до войны 2022 года постоянно звучали суждения о «*стратегическом легкомыслии*» или «*фривольности*» Германии и ЕС, занятых мучительной консолидацией

Евросоюза, слишком зависимого от мультилатерализма и штиля в отношениях между великими державами.

Вторая загадка касается самой украинской войной и агрессией российского империализма против Киева. Стратегический расчёт Владимира Путина неясен, и не видно причин для того, чтобы понадобилось рубить сук, на котором сидела Россия, – очень давние отношения с Германией и ЕС, где обмен газа на капитал был взаимовыгодным. Действительно, в Берлине война сразу же привела к *Zeitenwende*, провозглашённой канцлером Олафом Шольцем. Смена эпох была санкционирована началом перевооружения на 100 миллиардов евро, инициативой “Европейский небесный щит” (ESSI), закупкой истребителей F-35 в США, решением установить ракеты средней дальности американской системы *Typhoon* в ожидании европейской ракетной системы, согласованной с протоколом *European Long-Range Strike Approach (ELSA)*¹, стратегическим диалогом о *европейском сдерживании*, дополняющем НАТО и начатым с президентом Франции Эмманюэлем Макроном.

Но то, с каким фатализмом Германия приняла катастрофу полувекового курса *Ostpolitik*, остаётся загадкой, равно как и настоящий акт войны со взрывом на Балтике газопровода “Северный Поток – 2”, организованный Киевом при польском участии и предсказуемом молчаливом согласии со стороны США. Геополитические константы можно отодвинуть на задний план, но их нельзя стереть; то, что *русская партия*, в течение пятидесяти лет являвшаяся противовесом атлантической и европейской связи, рано или поздно заявит о себе, так или иначе предreshено.

Два текста помогают связать новую гонку перевооружения Германии и противостояние по поводу *европейского сдерживания* с дилеммами ядерной обороны и неоднозначностью американских гарантий, которые на протяжении десятилетий вызывали вопросы во Франции и Германии, а также настойчиво звали к необходимости франко-германской оси. В книге “*France, Germany and nuclear deterrence*” собраны материалы двух международных конференций по истории за 2015 и 2016 годы, но введение редакторов – Николая Бадаласси и Фредерика Глориана – актуализирует проблемы атлантических отношений вплоть до начала *украинской войны* и немецкого *Zeitenwende*.

Основной тезис – критика прочтения голлистской или «голлистско-миттеранской» ядерной политики только в национальном ключе. Во Франции *force de frappe*² питала «отчасти иллюзорную» идею полного восстановления стратегической независимости; в Западной Германии отсутствие национальных сил сдерживания в сочетании с очевидной непреодолимостью разделения Германии «усиливало восприятие экзистенциальной зависимости от Соединённых Штатов». Если эта «асимметрия», по мнению авторов, определяет «разницу ядерного опыта Франции и Германии во время холодной войны», то новые документы и архивные источники ведут к пересмотру общепринятого взгляда на Францию, которая якобы стремилась сохранить «стратегическое превосходство над Германией» и не дать ей вернуться к роли «крупной военно-политической державы». Напротив, нелинейный и прерывистый процесс сближения Парижа и Бонна свидетельствует об «ограниченном ядерном ревизионизме», который был связан с неудовлетворённостью «биполярной архитектурой безопасности» и разделением Европы и Германии.

В этом свете Фредерик Бозо, историк из университета Париж III Новая Сорбонна, пишет, что в конце 1989 года Франсуа Миттеран и Гельмут Коль были близки к «соглашению о ядерных консультациях»; по мнению Эгона Бара, стратега, стоявшего за *Ostpolitik* Вилли Брандта, немцы «близко подошли к признанию возможности создания европейской системы обороны на основе французских сил сдерживания». Именно крушение Берлинской стены и распад СССР отодвинули этот вопрос на второй план, оставив франко-германское стратегическое сближение незавершённым; в этом смысле «конец холодной войны наступил слишком рано».

В сборнике эссе “*Germany and nuclear weapons in the 21st century*” под редакцией Ульриха Кюна из гамбургского института IFSH излагается противоположная точка зрения: дебаты в Париже и Берлине о «европейских силах сдерживания», основанных на французских *force de frappe*, и тем более гипотеза о «немецких национальных силах сдерживания», не «соответствуют реальности». По мнению Кюна, в Германии нет настоящих дебатов о «расширенном сдерживании», гарантированном Францией, и в любом случае немецкие размышления остаются «односторонними» и никак не затрагивают французов. Берлину не достаёт «ясного понимания» того, что во французском мышлении «ядерный вопрос имеет

центральное значение», хотя бы потому, что force de frappe были задуманы как «чисто национальные». Что касается немецкой бомбы, то Германия действительно уже сейчас могла бы создать «ограниченное количество ядерного оружия за короткое время», но это нарушило бы Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года и соглашение 1990 года о воссоединении, подписанное в формате 2 + 4. Создание немецких сил сдерживания стало бы сигналом того, что Берлин «готов отказаться от своей собственной истории в отношении НАТО, ЕС и воссоединения». Подобный шаг Германии не был бы принят Парижем, Лондоном и Варшавой; возможность реализации «центральной державой» Европы ядерной программы, нацеленной против России, могла бы заставить Москву рассмотреть применение «упреждающего удара», чтобы предотвратить такой исход.

Несмотря на свой скептицизм, Кюн вынужден констатировать, что война на Украине вновь поместила вопросы сдерживания и обороны в центр немецкой политической повестки, а поддержка «европеизации force de frappe», особенно в рамках ХДС-ХСС, усилилась. В примечании Кюн говорит о двух аспектах, которые могли бы облегчить Германии взятие на себя подобных обязательств. Один из них носит политико-правовой характер. В ноте о присоединении к ДНЯО Германия прямо предусматривала «возможный будущий европейский вариант сдерживания»; «будущее европейское объединение», особенно после создания «Европейского союза», обладающего ядерным оружием, не будет нарушением принципа нераспространения. Другой аспект касается военного производства. Берлин «мог бы сделать ставку на объединение определённых военных возможностей стран ЕС, таких как обогащение урана, компоненты раннего предупреждения и ракетные технологии».

Неопределённость вокруг статуса ядерного порога для Германии регулярно служила поводом напомнить США о необходимости гарантированного и надёжного расширенного сдерживания в рамках НАТО. На фоне колебаний со стороны США возобновление разговоров о «немыслимом» – возможном создании немецкой атомной бомбы – может преследовать именно эту цель. Напротив, обобщение арсенала всех компонентов ядерного сдерживания означало бы европеизацию этого ядерного порога. В ракетной сфере это уже имеет политическую основу в виде протокола ELSA и промышленного лидера в лице группы MBDA. В Японии борьба в Либерально-демократической партии за наследование поста Фумио Кисиды не затрагивает консенсус вокруг поворота, начатого Синдзо Абэ, который, в свою очередь, реализуется быстрее, чем в Европе. Но, если говорить о японском и немецком перевооружении как о двух зеркальных процессах, для Берлина и ЕС наличие французских и британских сил сдерживания, в их взаимосвязи с европейским ракетным перевооружением, является их специфическим преимуществом по отношению к Токио.

Сентябрь 2024 г.

¹ - Европейский подход к нанесению дальних ударов.

² - Сил ядерного сдерживания.